

КРАСНАЯ НЕЗАБУДКА

Семён, опустив голову, медленно шёл по лесу и выискивал в траве маленькие голубенькие цветы. Собственно, их искать не надо было, этих цветов было много, они росли повсюду, но Семёну нужны были особые цветы. Он не знал, по каким критериям выбирает их. Он и слова-то такого не знал, он просто чувствовал, что вот этот цветок нужно сорвать, а вот этот не надо. Ну, вот и последний; Семён встал рядом с цветком на колени, невзирая на то, что трава с утра была ещё сырая, и, осторожно раздвинув кривыми покалеченными пальцами траву, сорвал растение. Да. Этот цветок понравится белому человеку, он будет рад ему.

Зажав маленький букетик в руке, Семён, улыбаясь, направился к дому. Он улыбался всегда и всем. Ему нравилась жизнь. Ему нравились белые люди, с которыми он жил в большом доме. Нравился лес, окружающий его дом, нравились голубые цветы, он срывал их и дарил белым людям. Ему не нравилось только одно. Голубые цветы не росли постоянно, они уходили, когда становилось холодно. Но до того, как цветы уйдут, было ещё далеко, и Семён старался об этом не думать.

А ещё Семён любил солнце. Очень любил. Он много раз пытался рассмотреть его, но у него ничего не получалось. Яркое жёлтое пятно быстро становилось ослепительно белым, и единственное, что он успевал увидеть, это мелькнувший круг с чётко очерченными краями. На этом, как правило, всё и заканчивалось, у него начинали бежать слёзы, резало глаза, и он потом какое-то время почти ничего не мог видеть из-за мельтешивших перед глазами светлых пятен. Но Семён всё равно был рад, он вытирал ладонями слёзы, шмыгал носом, и смеялся. Он любил Солнце. Он видел и чувствовал его.

Вот и сейчас, словно поняв, о чём он думает, светило, разогнав утренние тучки, обрушилось на него всей своей приятной мощью, и Семён, раскинув руки и задрвав голову к небу, широко открыл глаза навстречу этому свету. Всё было, как всегда. Почувствовав, как по лицу побежали невольные слёзы и заплясали в голове яркие круги, Семён счастливо засмеялся, и, не опуская рук, начал медленно кружиться, представляя себя плывущим в этом ярком свете, приятно согревающим лицо и испаряющем его слёзы радости.

Доктор стоял возле окна в кабинете и смотрел, как Семён возвращается из леса, который рос внутри огороженной высоким забором территории больницы. Даже с такого, довольно большого расстояния было видно, что колени у парня мокрые.

«Опять по траве ползал», – вздохнул доктор и посмотрел на часы. Время до начала обхода ещё было, и он опять перевёл взгляд за окно. Там, на выложенной жёлтой брусчаткой дорожке, подняв голову вверх, кружился его пациент, больной мозг которого перестал ему служить.

Доктор опять вздохнул и, взяв лежащие на столе очки, положил их в нагрудный карман халата. Вдаль он видел хорошо, однако читать без очков уже не мог, возраст, знаете ли. Доктор досадливо хмыкнул:

«А ведь лет-то мне ещё не очень и много. А зрение уже подсело. Это в пятьдесят-то! А что в шестьдесят будет? Жуть, одним словом». Не успев подумать о неприятностях со своим зрением, доктор чертыхнулся: «Ну надо же! Тоже мне жуть с кошмаром нашёл. Жуть – она вон там, за окном, задрала вон голову к небу и кружится, пуская радостные слюни. Вот уж где жуть так жуть!».

Он постоял ещё немного, размышляя, и, решив нарушить традицию начинать обход с первой палаты, направился на улицу, где на жёлтой дорожке стоял и смеялся больной из седьмой палаты.

– Здравствуй, Семён! – улыбнулся доктор, и, как всегда внимательно, стал всматриваться в глаза парня в надежде увидеть в них хотя бы маленький проблеск разума.

Семён не ответил. Он на протяжении вот уже трёх лет смотрел в глаза доктору глупыми счастливыми глазами и улыбался. И ещё он кивал головой, как будто соглашаясь со всем, что ему говорили.

– У тебя, я вижу, как обычно, хорошее настроение! – констатировал доктор и, показав рукой на лавку, очень кстати оказавшуюся рядом с ними, предложил:

– Присаживайся, друг мой, в ногах, как говорится, правды нет.

И первым сел на лавочку, зная, что больной не сядет рядом с ним – сколько уж раз пытался уговорить его сесть. Напротив, если Семён сидел, то, увидев идущего доктора, он обязательно вставал.

Семён увидел приближающегося к нему белого человека и перестал кружиться. Он знал, что белый человек сейчас подойдёт к нему, и от него начнут доноситься гулкие и смешные звуки: «Бу-бу-бу-бу-бу...». Семён не знал, что это значит, но этот белый человек ему нравился, и для него он тоже постоянно срывал цветок. И он должен будет отдать ему этот цветок, цветок, который был именно для него сорван. И он не должен ошибиться, а то человек может обидеться, если Семён отдаст ему цветок, который предназначен для другого белого человека.

Доктор сидел на лавке и терпеливо ждал, когда больной выберет предназначенное ему растение. Однако на этот раз пациент, видимо, не смог определить, который из них он должен отдать, и поэтому, усевшись прямо на дорожку и разложив перед собой цветы, начал их перебирать покалеченными пальцами, беззвучно шевеля губами. Наконец он выбрал нужный и, не вставая, по-прежнему улыбаясь, протянул его в сторону доктора, видимо, не понимая того, что с расстояния в два метра доктор не сможет до него дотянуться.

– «Ну что же. Обход начался», – грустно подумал доктор и, встав со скамейки, взял из рук Семёна Незабудку. Проходя мимо сидящего на брусчатке парня, не удержался и погладил того по лохматой голове. Семён был ровесником его сына. И когда доктор иногда представлял себе, что на месте этого парня мог оказаться его сын, он приходил в неописуемый ужас. И это было так страшно, что у него выступали слёзы на глазах, и он начинал лихорадочно звонить сыну. Звонить только для того, чтобы услышать его голос и

понять, что у того всё в порядке. Он слушал голос сына и радовался тому, что этот кошмар произошёл не с его мальчиком, а с другим человеком. Ему было стыдно за эту радость, но он ничего не мог поделать с этим, он просто радовался.

* * *

Когда белый человек ушёл, Семён посидел ещё некоторое время на дорожке, радуясь тому, что нашёл и отдал ему именно тот цветок, которому белый человек был рад. Потом он встал и пошёл в дом, где его скоро посадят за стол, дадут в руки ложку и покажут, что с ней надо делать. Семён в предвкушении приятного события, связанного с ложкой, опять радостно засмеялся. Его огорчало только одно – он постоянно забывал, что надо делать ложкой, он честно пытался об этом не забыть, но как-то так получалось, что всё-таки забывал.

Елена Сергеевна сидела в ординаторской за своим столом и благодаря удачному его расположению прямо напротив окна видела всё, что происходит во дворе больницы. Вот и сейчас она знала, что врачи ждут её команды, когда надо будет подниматься и начинать подготовку к обходу. И когда она увидела, что главный врач направился к корпусу, оставив за своей спиной сидящего на дорожке Семёна, она поднялась, одёрнула белый халат и сказала:

– Всё! Идёт! Пора начинать!

И первой направилась к выходу из ординаторской.

Их, людей в белых халатах, было семь человек: три врача-психиатра вместе с ней, врач-терапевт, старшая медицинская сестра, заместитель главного врача и, собственно, сам главный врач. Остальной персонал был одет в синюю униформу. Два раза в неделю все они выходили в холл приёмного покоя и получали от улыбающегося Семёна по цветочку. И от этого своеобразного ритуала никуда было не деться. Если кого-то не хватало, Семён начинал ходить по всей больнице и, тревожно озираясь, искать того, кому он ещё не отдал цветок. Со стороны это могло выглядеть смешно: молодой мужик с длинными, совершенно седыми волосами ходит по больнице, вытянув перед собой руку, в ладони которой зажата Незабудка.

Елена Сергеевна очнулась от своих мыслей, приняла из рук Семёна причитающийся ей цветок и, поблагодарив улыбающегося парня, пошла сопровождать на обходе главного врача. И уже перед тем, как войти в первую палату, обернулась и увидела, как старшая медсестра заводит Семёна в столовую.

Обход проходил как обычно, и Елена Сергеевна, машинально отвечая на стандартные вопросы главного, вдруг совершенно не к месту подумала, что Семён их всех выдрессировал! Ну а как же иначе! Они все, как по команде, собирались в кучку и ждали, когда им раздадут по цветочку. И Елена Сергеевна улыбнулась, представив, как Семён, увидев белые халаты, начинает одаривать всех не цветами, а какой-нибудь вкуснятиной, а они, радостно улыбаясь, машут хвостами.

– О чём, Леночка, задумалась? – услышала она насмешливый голос главного. – Я так полагаю, что это как-то связано с Семёном и его цветами?

– А-а-а-а, а как вы догадались?

– Ну, это было не трудно! У вас, моя хорошая, всё было написано на лице.

– Да, вы правы! Я думала о том, что если бы это был не Семён, то мы бы к нему сами не сбегались.

– Да, Елена Сергеевна, – задумчиво пробормотал главный врач, – если бы это был не Семён, если бы не Семён... И он, не договорив, направился в сторону своего кабинета, но, отойдя шагов на десять, вдруг остановился, и, обернувшись к Елене Сергеевне, сказал:

– Да! Чуть не забыл! Вы бы, Леночка, начали уже в порядок возможные непорядки приводить, а то, знаете ли, к нам через недельку какая-то комиссия намеревается нагрянуть. С проверкой, так сказать, нагрянуть.

И главный, задумчиво покачав головой, продолжил путь к своему кабинету.

Елена Сергеевна расстроилась. Нет, она не боялась, что комиссия может выявить что-то страшное, этого страшного попросту не было! Она была добросовестным и щепетильным работником в плане соблюдения всевозможных правил и инструкций при работе с бумагами и с историями болезней. У неё всегда и всё было в порядке. Но все эти комиссии отнимают уйму времени и нервов. Особенно когда в составе прибывшей команды попадает какой-нибудь особо рьяный представитель. И Елена Сергеевна досадливо поморщилась, вспомнив комиссию, прибывшую в их богоугодное заведение полгода назад.

Елена Сергеевна вернулась в ординаторскую, села за свой стол и, аккуратно отложив в сторону стопку историй, невольно вспомнила, как этот самый представитель, увидев идущего по коридору Семёна, остановил его и потребовал к себе главного врача. Главный не стал капризничать и сам пришёл к возмущённому столичному гостю, и пока тот разглагольствовал о вопиющем нарушении санитарных норм, вокруг них столпилось изрядное количество персонала. Как выяснилось, у больного были слишком длинные волосы, что никак не вязалось с «облико морале» их лечебного учреждения.

Тыча пальцем в голову радостно улыбающегося Семёна, член комиссии потребовал немедленно остричь его седые лохмы. Возникшую ситуацию решила старшая медицинская сестра. Она попросила подойти горящего праведным гневом проверяющего поближе и откинула с висков Семёна волосы, которые скрывали отсутствие ушей и безобразные, уходящие в череп тёмные дыры.

Бедный проверяющий замер с открытым ртом, не в силах отвести взгляд от этого страшного зрелища. Старшей сестре этого показалось мало, и она окончательно добила его тем, что до самой шеи задрала на парне казённую футболку, предложив тому осмотреть ещё и тело больного. Увидев, что находится под футболкой, тот икнул и заметался возле запертых дверей туалета для персонала. Куда его по доброте душевной эта же сестра и впустила, оставив дверь открытой, чтобы все собравшиеся могли услышать, как он блюёт. Такая реакция неподготовленного человека была, в общем-то, понятна.

На теле Семёна не было живого места! Остались только узкие полоски кожи, с которой он появился на свет. Остальные участки кожи у него narosли уже потом, после того, как её аккуратно срезали узкими полосками от шеи до ступней, одну полосу за другой. Спереди, сзади на спине, на руках, на ногах.

Везде, со всего тела у него была срезана большая часть кожи. Это было тяжкое, мучительное зрелище. Поэтому никто не смеялся над этим глупым проверяющим человеком. Нельзя над этим смеяться. И ещё пальцы, а они у Семёна все были переломаны, выглядели расплюснутыми.

* * *

Доктор сидел в своём кабинете на втором этаже и просматривал статью, напечатанную в английском журнале. Проблема с языковым барьером перед ним не стояла. Он в совершенстве владел английским, чем и пользовался на полную катушку, выискивая в зарубежных медицинских журналах интересные его статьи, посвящённые психиатрии. Закончив читать, доктор отложил журнал и задумчиво уставился в окно, обдумывая прочитанное. Он ещё не знал, согласен он с автором или нет. Для того чтобы прийти к какому-то решению, ему надо будет прочитать статью ещё раза три, и обдумать каждое написанное в ней слово.

Из задумчивости главного врача вывела какая-то возня, происходящая возле ворот, ведущих на территорию клиники. Рядом с воротами стоял зелёный «уазик-буханка», точно такой же, какой был и у них в больнице. Отличие состояло только в том, что на этом автомобиле не было красных крестов. Ворота начали закрываться, и доктор нахмурился: до конца рабочего дня именно эти ворота должны быть открытыми, чтобы родственники их пациентов могли подъехать ближе к корпусам. Какого-либо определённого дня недели и времени для посещения родственниками больных отведено не было. Очень сложно, знаете ли, объяснить их нездоровому душой контингенту, что такое тихий час, и что после обеда надо спать согласно общепринятым в больницах правилам.

Ворота закрылись, и из будки охранника вышел какой-то человек в тёмной одежде, огляделся, после чего забрался в открытую дверь «буханки», и «уазик» поехал к главному корпусу. Это было неправильно – машина должна была остановиться на парковке недалеко от центрального входа! Однако, игнорируя знаки, автомобиль подъехал к самому крыльцу, и, подойдя ближе к окну, доктор увидел, как из него шустро начали выпрыгивать какие-то люди в чёрной одежде. Доктор насчитал восемь человек, и у четверых из них были автоматы.

О том, что произошло что-то нехорошее, главный врач уже понял, но пока не мог сообразить, насколько это плохо. Но когда внизу, в холле, раздались один за другим три выстрела, неожиданно сильно хлестнувшие своим резким и гулким звуком по ушам, доктор понял, что это не просто плохо. Это – пока ещё непонятная катастрофа. Внезапно задрожавшими пальцами он снял очки и положил их в нагрудный карман халата, потом поднялся из кресла, и, обойдя стол, остановился напротив двери кабинета. Постоял несколько секунд, вынул из кармана очки и, вернувшись к столу, аккуратно положил их на открытый журнал. Однако, почему-то решив, что очки ему могут пригодиться, доктор опять взял их и, вновь затолкнув в нагрудный карман, решительно вышел из кабинета.

С двумя незнакомцами главный врач столкнулся, когда прошёл уже пол-

пути от своего кабинета до лифта, из открывшихся дверей которого они и вышли.

– «Большой и маленький», – машинально отметил доктор и остановился, ожидая, когда эта парочка подойдёт к нему ближе.

– «У маленького автомат, а у большого пистолет. Хотя это не совсем логично», – почему-то пришла в голову совершенно несуразная мысль. – «По логике, автомат должен быть у большого, а пистолет у маленького, потому что автомат больше пистолета».

– Кто здесь начальник? – неожиданно визгливым голосом спросил, обращаясь к нему, мелкий, и направил в его сторону ствол автомата. Доктор не ответил, справедливо рассудив, что этот визгливый просто не может быть тем, с кем надо вести беседы. Какой-то он был кручёный и суетливый. Складывалось впечатление, что это создание не могло спокойно стоять на одном месте. Ноги этого человечка словно жили своей жизнью – они перемещались под телом маленькими шажками, словно пританцовывали, причём само тело не настроено было танцевать. Не может так вести себя человек, наделённый хоть какими-то полномочиями.

– Ты, Штырь, не только тупой, но ещё и слепой! – хохотнул большой и, мотнув башкой в сторону доктора, обратился к своему напарнику:

– Читай, что у него на халате написано!

Мелкий, как разболтанная кукла, посеменил поближе к доктору и, прочитав вышивку на его халате, выдал:

– Это какой-то «глврач»? А старший-то здесь кто? – вновь обратился он к доктору.

Доктор посмотрел на большого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами.

– Заткнись, придурок! – раздражённо рявкнул большой. – Это главный врач. Это и есть старший. Он нам и нужен.

Доктор, посмотрев на кривляющегося человечка и не скрывая этого, презрительно усмехнулся. А потом, переведя взгляд на большого, спросил:

– Куда я должен идти и что я должен делать в сложившейся, так сказать, обстановке?

– Давай, док, за мной топай, – пробасил большой и, повернувшись, направился обратно к лифту, всем своим видом показывая, что ни на йоту не сомневается в том, что его приказ будет беспрекословно выполнен.

Доктор обвёл глазами холл, в котором находилось около десяти пациентов и несколько человек обслуживающего персонала. Машинально улыбнулся в ответ глядящему на него безмятежными глазами Семёну и вдруг почувствовал сильный удар в спину, который бросил его на пол. Затем услышал истошное верещание мелкого:

– Ты чё лыбишься, козёл, а?! Ты чё лыбишься!?

Удар был сильный. Сильный настолько, что у доктора перехватило дыхание и он долгие секунды не мог протолкнуть в лёгкие воздух.

«Ты смотри, как-больно-то!!!» – удивился доктор и с заметным трудом поднялся на ноги. Постоял, нагнувшись, приводя в порядок дыхание, а затем, не обращая внимания на крики маленького человечка, ударившего его прикла-

дом автомата, вытащил из нагрудного кармана сломавшиеся после падения очки, с сожалением покачал головой и, положив их обратно в карман, повернулся к мелкому.

А потом произошло то, чего не ожидал никто! Ни тычущий стволом автомата в доктора мелкий, ни обернувшийся на шум большой, ни обслуживающий персонал. И, наверное, даже сами больные этого не могли бы предвидеть, если бы разум их был в порядке. Главный врач! Доктор! Интеллигентнейший человек! Улыбнувшись, ударил мелкого по лицу! А потом, как ни в чём не бывало, отвернулся от растянувшегося на полу своего обидчика и продолжил путь к лифту.

Доктор успел сделать всего лишь несколько шагов. Несколько последних шагов в своей жизни. И даже успел подумать о том, что это, оказывается, приятно – ударить подонка по физиономии. Главный врач умер с этой несвойственной его воспитанию мыслью. Он просто не успел подумать о том, что всё-таки был не прав, когда бил по лицу человека. Его насквозь прошла очередь из автомата, выпущенная ему в спину поднявшимся с пола взбешённым мелким. Доктора не отбрасывало ударом очереди на несколько метров, как это частенько показывают в боевиках. Летящие с огромной скоростью пули, пройдя насквозь тело человека, унесли с собой его жизнь. Доктор осел, медленно опустившись сначала на колени, а потом, словно нехотя, завалился на бок и, вздрогнув последний раз всем телом, замер, перевалившись на спину.

Доктор уже не видел, как заорал и пнул мелкого напарник. Как закричала одна из медицинских сестёр, а потом замолчала, в ужасе прикусив зубами кулачок и, не отрываясь, глядела на залитое кровью тело главного врача. Он не мог видеть, как на второй этаж по лестнице забежали ещё трое вооружённых мужчин и стали сгонять всех вниз, в холл первого этажа. Он уже не видел, как Семён, глядя на его тело, вдруг начал кричать протяжно и страшно, на одной ноте. Он, не переставая, кричал до тех пор, пока к нему не подошёл один из вооружённых людей и не ударил его прикладом автомата в голову.

* * *

Семён лежал на полу и с удивлением рассматривал синий цветок, который был почему-то красного цвета. Это было странно и непонятно. Он не знал, почему так произошло. Почему цветок лежит в чёрной луже, и почему белый человек, которому он подарил цветок, тоже лежит на полу. И почему белый человек стал красным? Страшно-красным! Он не должен быть таким, потому что быть красным – это больно, это невыносимо больно. Это непрекращающаяся, нестерпимая боль. И эта боль становится всё сильнее и сильнее. Мучительнее и мучительнее. И от неё, от этой боли, умираешь. Он это знает. Он уже умирал.

Семён, не отрывая щеки от холодного мраморного пола, протянул руку и с трудом взял искалеченными пальцами цветок, лежащий рядом с телом доктора. Поднёс его к глазам и, не отрывая от растения взгляд, тяжело поднявшись, подошёл к белому человеку и протянул ему его цветок. Белый человек цветок не взял, он вообще не пошевелился. Белый человек лежал неподвижно.

Семён постоял некоторое время над ним, потом аккуратно положил красный цветок на грудь белого человека и пошёл на звуки возни, раздававшиеся из кабинета главного врача.

Прошло уже часов шесть, как их захватили сбежавшие зеки. Елена Сергеевна поняла это сразу, как только увидела их одежду. Она уже не один раз встречалась с такими. К ним их привозили под охраной, на медицинскую экспертизу, и они содержались в специальном здании, похожем на тюрьму. Там и сейчас находились несколько подозреваемых, с которыми они работали. Захватившие их люди не могли туда попасть, там была вооружённая охрана, и нападавшие, по-видимому, это знали, потому что даже не делали попыток приблизиться к ним.

Елена Сергеевна не видела, как убили главного врача, ей об этом рассказала заплаканная медицинская сестра, когда весь персонал и часть больных согнали в холл первого этажа. Их заставили усесться на полу, а потом задёрнули на окнах тяжёлые шторы и велели молчать. Она же шёпотом рассказала, что Семёна, наверное, тоже убили, так как она видела его лежащим на полу с окровавленной головой.

– Эй ты! Смазливая! – вдруг раздался хриплый голос одного из напавших, вольготно развалившегося в кресле, предназначенном для посетителей. – Ты! Ты! Чё ты башкой вертишь?

– Это он вас зовёт... – с неподдельным ужасом прошептала медицинская сестра, сидевшая рядом с ней, и вцепилась в её руку.

– Иди сюда, – поманил зек Елену Сергеевну рукой и встал с кресла. Елена Сергеевна, ни слова ни говоря, выдернула свою руку из трясущихся рук сестры и, встав, направилась к довольно улыбающемуся зеку. Тот несколько секунд разглядывал её, а потом, кивнув головой в сторону дверей, ведущих на второй этаж, сказал:

– Пошли, мы ментам два часа дали, так что время порезвиться у нас есть! Да ты не бойсь, не бойсь, я не любитель бить женщин, я вообще-то нормальный мужик! – он довольно ощерился и, положив руку ей на грудь, больно сжал её.

– Но, правда, есть одно условие. Девочка должна быть покладистой и послушной. А если нет... То вот он... – и зек ткнул пальцем в стоящего рядом с ним вертлявого парня, – будет тебя бить. Бить до тех пор, пока ты не станешь паинькой.

Елена Сергеевна была красивой женщиной, красивой той неброской, сдержанной красотой, которая заставляет мужчин оборачиваться вслед. И, чего греха таить, она гордилась этим. И вот сейчас, первый раз в своей жизни, она пожалела о своей внешности. С трудом переставляя ноги, она поднялась по лестнице на второй этаж и, повинувшись тащившей её руке вертлявого, пошла в сторону кабинета главного врача.

Она знала, что её ждёт, и иллюзий не питала. Сопротивляться она не собиралась, так как понимала, что уже добравшиеся до сейфа с сильнодействующими препаратами зеки, войдя в раж, могут и до смерти забить. Терять им было нечего. Как она поняла, оружие они забрали при побеге у убитых ими силовиков. Проходя мимо тел главного врача и Семёна, Елена Сергеевна не выдержала и заплакала.

– Заткнись! – взвизгнул тащивший её парень. – Успеешь ещё нарветься!
Вот только причина у тебя будет другая!

И он, запорокинув голову, противно засмеялся своим тоненьким голоском.

Семён медленно открыл дверь, из-за которой доносились приглушённые крики, вошёл и так же медленно закрыл дверь за собой, совершенно не беспокоясь о том, что на него удивлённо уставилось несущее красную боль существо. Это существо было злобным! Оно уже начало окрашивать в красный цвет лежащего на полу белого человека, и Семён вдруг понял, что, если он не убьёт ЭТО, оно полностью сделает красным белого человека, и тогда он тоже перестанет брать у него цветы. А это неправильно, ведь белым людям цветы нравятся! Они должны их брать!

Елена Сергеевна лежала на полу в разорванной одежде и плакала от бессилия, от стыда и от боли! Ей было страшно! Она сразу же сказала им, что не будет сопротивляться. Но старший всё равно дал мелкому команду бить её, а сам сидел на диване и смотрел, как его подручный, повалив женщину на пол, уселся на неё сверху и стал методично наносить ей удары по лицу, разбивая в кровь губы и нос. Удары вдруг прекратились, и она, открыв глаза, увидела, как в кабинет вошёл Семён, закрыл за собой дверь и посмотрел на неё чужими мёртвыми глазами.

– Ты чё, псих, берега попутал?! – хохотнул старший и, встав с дивана, подошёл к стоящему посреди кабинета Семёну. Однако Семён, казалось, совершенно его не замечает. Он стоял спокойно, опустив руки и, не мигая, смотрел на мелкого, который, сидя на груди доктора, короткими, хлёсткими ударами бил женщину по лицу.

– Ты чё, дебил, не слышишь, что ли?! Я с тобой разговариваю! – уже раздражённо произнёс зек и, ухватив Семёна за ворот пижамы левой рукой, нанёс ему правой рукой удар в лицо. Удар был быстрый, мощный, отработанный! Но произошло невероятное! Совершенно безвольно стоящий психически нездоровый человек вдруг, как бы нехотя, отклонил голову в сторону, и кулак зека ушёл в пустоту, заставив его покачнуться и потерять равновесие. И в ту же секунду Семён, по-кошачьи извернувшись, оказался за спиной большого и, почти не размахиваясь, ткнул того кулаком в печень.

Лежащей на полу Елене Сергеевне показалось, что удар Семёна не достиг своей цели, так как большой зек остался стоять на ногах, недоуменно оглядываясь. Но вот он вдруг охнул, скособочился и, схватившись за правый бок, упал на колени. Безучастно наблюдавший за зеком Семён шагнул к нему и, вцепившись пальцами в глазницы, рывком задрал голову вверх, после чего нанёс удар ребром ладони в горло.

Удар был страшный – он сломал человеку кадык, расплющил гортань и впечатал её в шейные позвонки. Большой захрипел и, схватившись за горло, упал на пол.

Семён упёрся коленями ему в поясницу и, ухватив руками за затылок и подбородок, одним движением свернул шею, заставив смотреть мёртвыми глазами в потолок лежащее на животе тело человека. Потом он взял оставленный большим на столе пистолет, подошёл к успевшему забиться в угол кабинета мелкому, и, одним резким ударом выбив ему зубы, вогнал ствол пистолета в

рот и нажал на спусковой крючок. Выстрела почти не было слышно, голова мелкого сработала как глушитель.

* * *

Елена Сергеевна торопливо вытащила из шкафа главного врача его запасной халат и, стараясь не смотреть в сторону Семёна, сняла с себя остатки разорванного халата. Как будто почувствовав смущение женщины, Семён отвернулся и стал смотреть в окно, туда, где он всегда собирал цветы. Надев прямо на голое тело халат главного, Елена Сергеевна нерешительно прикоснулась к плечу больного. Семён понимал, что белый человек ждёт от него цветов, но у него больше не было цветов, и он в растерянности развёл руками.

– Нам надо уходить отсюда, Семён! – лихорадочно прошептала она. – Ты слышишь? Ты понимаешь меня? – встряхнула она его за руку. Семён не ответил, он вообще никогда никому не отвечал! Он только смотрел на людей и улыбался. А сейчас Семён смотрел на неё тёмными провалами глаз, смотрел без улыбки, и это было страшно. В глазах Семёна больше не было глупой безмятежности. Елене Сергеевне показалось, что у него и глаз-то не было, только тёмные тоннели, не несущие в себе даже малейшего проблеска жизни.

– Идём, Семён, идём, – и она потянула парня за собой на выход из кабинета.

Им не повезло. Когда они уже миновали дверь, ведущую на лестницу, из неё вышли двое зеков, один из которых, хохотнув, протянул:

– Ты глянь-ка! Бугор-то, я вижу, с тёлкой уже натешился! Может, и нам теперь угоститься?! А? – издевательски обратился он к врачу.

Елена Сергеевна понимала, что если эти двое обнаружат своего старшего мёртвым, ей с Семёном жить останется очень недолго, и поэтому, преодолевая дрожание в голосе, предложила:

– Я не против, но давайте уйдём отсюда, а то здесь труп лежит, мне страшно! – И она кивнула в сторону тела главного врача.

– Люблю разумных баб, – хмыкнул второй и, взяв Елену Сергеевну за руку, повёл её к ближайшей двери, ведущей в палату.

– Стой, стой, стой, – забеспокоился любитель угощаться, – а как же этот псих?

– А никак! Пусть бродит! Он и выход-то отсюда, наверное, не сможет найти. И он, открыв дверь палаты, втолкнул туда Елену Сергеевну.

Халат Елена Сергеевна снимала сама, плакала и медленно расстёгивала пуговицу за пуговицей. Но снять его она так и не успела; за спинами жадно разглядывающих её зеков скрипнула дверь, и вздрогнувшие от неожиданности мужики шустро обернулись.

– Да твою ж мать! Тебе-то чего здесь надо? – рывкнул один из них и ткнул стволом автомата в грудь Семёну.

– Уведи-ка его к остальным, – обернулся он к напарнику, – а то он нам только меша...

Договорить он не успел: стоящий перед ним Семён вдруг сделал неумовимое движение руками, и зек удивлённо повернул голову в сторону кровати, на которой лежал выбитый из его рук автомат. Взглянуть на Семёна он не успел; тот совершенно спокойно поднял руку и воткнул зеку в ухо протирку, исполь-

зуюмую для чистки ствола автомата. И теперь равнодушно наблюдал, как дёргается возле его ног умирающий человек с нелепо торчащим из уха металлическим прутком.

Второй зек, оправившись от удивления, отпрыгнул от Семёна, вытащил из ножен, болтающихся у него на поясе, большой нож, пригнулся и, выставив руку с ножом в сторону Семёна, прошипел:

– Ну! Давай, урод психованный! Давай! Подходи! – и он несколько раз взмахнул лезвием ножа перед Семёном.

Елена Сергеевна, запахнув на себе халат, с ужасом наблюдая за изменившимся пациентом, вдруг ясно осознала, что человек, размахивающий перед Семёном ножом, обречён! Он сейчас умрёт, и шансов у него нет. Как будто услышав мысли доктора, Семён по-птичьему наклонил голову влево и шагнул под неминуемый удар клинка.

Елена Сергеевна так и не смогла понять, что же произошло. Она только успела увидеть, как рука с ножом метнулась в живот Семёну, но хищно сверкнувшее лезвие прошло мимо. Семён, слегка отклонившись в сторону и крутнувшись вокруг своей оси, оказался сбоку от зека, перехватил его руку, резко вывернул её и ударом ладони сломал в локтевом суставе. Елена Сергеевна знала, что при такой травме боль должна быть очень сильной, но зек заорать не успел. Семён перехватил выпавший из покалеченной руки зека нож и вонзил его тому под нижнюю челюсть, пробив нёбо и убив мозг.

Елена Сергеевна, глядя на весь этот ужас, судорожно всхлипнула и прошептала:

– Нам надо уйти отсюда! Слышишь, Семён?! Уйти! – и она, зябко кутаясь в халат, начала судорожно осматриваться, заранее понимая, что спрятаться им нигде. Наверное, Семён её всё-таки услышал, а может, и нет, может, он просто захотел уйти из палаты. Но Елена Сергеевна вдруг увидела его уже стоящим в дверях. Однако до того, как закрыть дверь, он обернулся и внимательно посмотрел на неё провалами тёмных глаз. И она, словно повинувшись какому-то приказу, молча, не оглядываясь на убитых людей, пошла к ставшему совершенно ей незнакомым человеку.

Доктор торопливо пересекала холл, постоянно оглядываясь на идущего сзади парня. Она уже миновала кабинет главного врача, когда за её спиной неожиданно прогрехотали три выстрела. Они показались ей настолько оглушительными, что она взвизгнула и присела, закрыв голову руками. Она сидела на корточках до тех пор, пока не услышала чей-то хриплый, прокуренный голос:

– Ну что, дамочка! Бутра нашего, значит, завалили?! А теперь прогуливайтесь тут в своё удовольствие?

Елена Сергеевна, не решаясь отнять руки от головы, прошептала:

– Нет, нет! Что вы, я никого не заваливала!

– Руки от башки убери и сюда смотри! – повысил голос говоривший, и доктор, медленно опустив руки, посмотрела на стоящего перед ней человека.

Этот был другим, глаза у него были умными, и Елена Сергеевна это сразу отметила. Он не стал зря рисковать, обнаружив трупы своих напарников. Он, выйдя из кабинета главного врача, сразу начал стрелять в самого опасного,

по его мнению, противника. В Семёна, который сейчас сидел, привалившись спиной к стене, и смотрел на неё остановившимся взглядом.

– Я знаю, что не ты его завалила! – хмыкнув, проговорил зек и опустил руку с пистолетом, который держал направленным в её сторону.

– Встань! – наконец велел он. – Поговорим, время есть. Не начнут они штурм, пока у нас заложников куча. Елена Сергеевна встала и, опустив руки, обречённо посмотрела на небритую рожу зека.

– Он убил бугра и его шестёрку? – спросил небритый и кивнул в сторону Семёна.

– Я не знаю, – пролепетала Елена Сергеевна, – я не видела.

– Да ладно тебе! – неожиданно рассмеялся зек. – Ты не могла! Значит, этот! – и он мельком глянул в сторону тела Семёна.

– Чтобы свернуть шею такому, как наш бугор, нужен такой же амбал, ну или псих. Я читал, что отсутствие мозгов у придурков компенсируется физической силой! Я прав? Или нет? – повысил голос небритый, с удивлением глядя, как докторша, подняв руку, закрыла себе рот ладошкой и смотрит широко открытыми глазами ему за спину, словно увидела там что-то страшное.

Он не успел узнать, прав он был или нет. Он не успел обернуться. Его шею насквозь пробило широкое лезвие ножа, уже однажды забравшее жизнь одного из зеков. Небритый стоял ещё несколько секунд. Его тело не хотело умирать, и затухающий разум заставлял руки хвататься за отточенное лезвие, разрезая пальцы и ладони.

«Странно, почему нет крови? – поражаясь собственному спокойствию, подумала Елена Сергеевна. – Кровь должна быть! Артерия явно перерезана!»

И, судорожно вздохнув, доктор сделала шаг в сторону, чтобы не стоять перед умирающим человеком. И, словно поняв, что освободилось место, изо рта небритого хлынула кровь. И уже мёртвое тело, упав, ткнулось лицом в каменный пол.

Елена Сергеевна с трудом оторвала взгляд от быстро увеличивающейся лужи крови и метнулась к Семёну, который медленно оседал на пол. Она успела подхватить его под плечи, но, понимая, что не удержит тяжёлое тело, оперлась спиной о стену и сползла по ней, не позволив парню упасть. А потом положила его голову к себе на колени и начала гладить его по жёстким спутанным волосам.

– Я знаю тебя! – вдруг прошептал Семён и, открыв глаза, улыбнулся ей.

– Я всегда тебя знал! Ты ведь Солнце? Глаза Семёна были ясные и чистые. Они не были безмятежными в своём больном спокойствии. Его глаза были живыми. Живые глаза умирающего счастливым человека!

Елена Сергеевна сидела на полу и, укачивая голову Семёна, плакала! Плакала навзрыд, не обращая внимания на ворвавшихся на второй этаж спецназовцев, которые, словно оберегая их с Семёном покой, обступили их полукругом и никого не подпускали, давая им время для прощания. Елена Сергеевна плакала, и слёзы, стекая по её лицу, падали на улыбающиеся губы Семёна и на его мёртвые глаза, как будто он оплакивал свою наконец-то закончившуюся жизнь. Нет, она не жалела этого мёртвого парня! Она сострадала ему! Сострадала тому, что ему пришлось пережить при жизни, когда его раненого захва-

тили боевики, воевавшие в Чечне. Она страдала от того, что они сотворили с живым человеком, узнав, что он спецназовец. Она страдала от того, что он не умер сразу, а хлебнул смертной муки полной мерой. Но самым страшным было то, что он, вновь обретя разум, умер. Улыбнулся и ушёл. Ушёл туда, где нет ни страдания, ни боли.

– Я тебя знаю! – вновь повторил Семён, и перед его глазами ярко блеснул свет. Но этот свет не вызывал слёз: он был мягким и нежным, он подхватил измученное тело Семёна и понёс его в голубую, словно цветы незабудки, высь.

– Я тебя всегда знал! Я знал, что ты есть! Я знал, что ты придёшь ко мне! Ты ведь Солнце?! Тебя ведь звать Солнце?!

– Да, любимый! – наклонилась над Семёном необыкновенно красивая девушка с золотыми волосами. – Я – Солнце! Я так долго тебя ждала! И ты пришёл! Нам пора! – и она взяла Семёна за руку, и его душа, раскинув призрачные крылья, смеясь, устремилась следом за ней, за своим счастьем по имени Солнце.

Из руки умершего человека выпал помятый, красный от крови цветок незабудки.